

10. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: теория организации промышленности. Т. 1. / Ред. В.М. Гальперин и др. – СПб: Экономическая школа, Университет экономики и финансов, Высшая школа экономики, 2000. – 450 с.
11. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: Учебник для вузов / Пер. с англ. Под ред. Л.Г. Зайцева, М.И. Соколовой. – М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. – 576 с.
12. Управление организацией: Учебн. Для студ. вузов / Под ред. А.Г. Поршнева и др. – 2 – е изд.
13. Хамел Г., Прахалад К.К. Конкурируя за будущее. Создание рынков завтрашнего дня / Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2002. – 288 с.
14. Шерер Ф.М. Структура отраслевых рынков: Учебник для студ. вузов. Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 512 с.
15. Шершньова З.Є., Оборська С.В. Стратегічне управління: навч. посібник. – К.: КНЕУ, 1999. – 388 с.

Эфендиев А.Ш., Алексеев В.В. РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ БИЛИНГВИЗМ ШАРЛЯ БОДЛЕРА

Наша первая статья «РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ И ФРАНКО-РУССКИЙ БИЛИНГВИЗМ В МИРОВОЙ КЛАССИКЕ XIX ВЕКА». Опубликованная в журнале «Культура народов Причерноморья» (№ 47, 2004 г.), стала темой одноименного доклада на международной научной конференции «Диалог культур в полиэтничном мире» и вылилась в дискуссию. Актуальность исследования обусловлена некоторой, на наш взгляд, дерзостью научной гипотезы: Шарль Бодлер – русский поэт! Целью второй части статьи является, во-первых, ответ на поступившие во время обсуждения вопросы участников конференции, а во-вторых, моральное оправдание Бодлера, обвиненного, как известно, при жизни судом третьей республики в имморализме. Это обвинение не снято с поэта до сих пор. Достаточно сказать, что его произведения входят в список книг, которые Римская церковь не рекомендует читать верующим. Анализ литературных фактов свидетельствует: Бодлер сознательно мистифицировал читателя и современников, усвоив себе образ поведения, называемый «византийским юродством». Византийское юродство, согласно учению Восточной церкви, является высшим видом святого подвижничества. Вся жизнь такого святого – это духовный подвиг, однако юродивый не только тщательно скрывает от внешних наблюдателей свою святую жизнь, но, напротив, разыгрывая имморалиста, маскирует чистоту своих помыслов. С этой точки зрения все творчество Бодлера – это грандиозная мистификация, разгадка которой раскрывается только сейчас.

Относительно нашей версии «Сплина» было спрошено: уверен ли переводчик, что сочетание «столб атмосферный», задавшее сквозную рифму в стихотворении, было в активном словаре Бодлера? – Да. В проекте к «Цветам Зла» Бодлер пишет: «Сегодня утром я прочел несколько газет и вдруг вялость тяжести в двадцать атмосфер остановила меня перед устрашающей необходимостью объяснять здесь что-либо кому-нибудь».

Аналогичный способ доказательства применим к обоснованию реконструированного по французскому псевдо-подлиннику русского оригинала сонета «Бездна».

ПОДСТРОЧНИК

Паскаль носил в себе пропасть, когда передвигался,
Увы, все пропасть, дело, желанье, мечта,
Слово! И в моих волосах, вставших дыбом,
Я уже не раз ощущал дуновение Ужаса.
Вверху, внизу, везде – глубина, обрыв...
Безмолвие ужасающего и деспотического пространства.
В глубине моих ночей Бог своим мудрым перстом
Описывает многообразный и безостановочный кошмар.
Я боюсь сна, как бояться огромной дыры,
Исполненной смутного страха, ведущей неведомо куда,
Во всех окнах я вижу одну лишь бесконечность,
И мой разум, исполненный вихреватостей,
Завидует бесчувственности небытия...
Ах! Никогда не выйти за пределы Чисел и Сущностей!

ПРОПАСТЬ

(перевод)
Паскаль носил в мозгу бездонное жерло.
Все пропасть, бездна все, желанье, слово, дело...
И только что опять затылок мне задело,
Повеяв холодом, безумия крыло.
Забиться и не быть – иного нет удела.
Пространство кончилось и время истекло.
В моем мозгу Господь, разоблачая зло,

PASCAL avait son gouffre, avec lui se mouvant.
— Hélas! tout est abîme, — action, désir, rêve,
Parole! et sur mon poil qui tout droit se relève
Mainte fois de la Peur je sens passer le vent.

En haut, en bas, partout, la profondeur, la grève,
Le silence, l'espace affreux et captivant...
Sur le fond de mes nuits Dieu de son doigt savant
Dessine un cauchemar multiforme et sans trêve.

J'ai peur du sommeil comme on a peur d'un grand trou,
Tout plein de vague horreur, menant on ne sait où;
Je ne vois qu'infini par toutes les fenêtres,

Et mon esprit, toujours du vertige hanté,
Jalouse du néant l'insensibilité.
— Ah! ne jamais sortir des Nombres et des Etres!

Запишет ужасы, которым не предела.
Я сна теперь страшусь. Он - яма, он - провал,
К какой бы пропасти я взор ни приковал,
К каким бы небесам его я ни возвысил,
Повсюду бездны мрак. И тщетно жажду я
Вкусить бесчувственности от Небытия...

Ах! Никогда не стать вне Сущностей, вне Чисел!²

БЕЗДНА (извод³)

Паскаль носил в мозгу двух бездн песчезну.
Все пропасть! Слово, дело, волевой
Акт... Снова над моею головой,
Аж волос вздыбился - ужель я кану в бездну? -
Пронесся ветер Ужаса. В исчезну
проваливаю взор расширившийся свой
И вижу перст руки, которой Бог живой
Мне пишет приговор: «Низвергнись в тьму беззвездну!»
Я сна теперь страшусь, как черной той дыры,
В которую летят песчинками миры,
Но совокупный вес дел добрых не превысил
Дел злых моих... Все. Крах. Конец плохой игры.
И что с того, что все мы злы, а не добры?
Ах! Никогда не стать вне Сущностей, вне Чисел!

Уверен ли переводчик, что Паскаль носил в голове не одну, как у Бодлера, а две, как в изводе, бездны? - Да, мы в этом уверены. Без Паскаля, французский религиозный философ, в «Мыслях» развивает тему о трагичности и хрупкости человека, находящегося между двумя безднами бесконечности и ничтожества («человек - это мыслящий тростник») Неологизм «песчезна», осмысленный в данном контексте как «песочные часы», хорошо подходит в качестве эмблемы этих двух бездн. Неологизм настолько удачен, что создается впечатление, будто он уже существовал в языке, но забыт за ненадобностью этого старинного инструмента... Сказать по-французски «Паскаль носил в мозгу песочные часы» это, согласимся, совсем не то, что «двух бездн песчезна». Понятно теперь, почему Бодлер счел образ непереводаемым и заменил две бездны на одну.

Необходимость зарифмовать «бездну» порождает еще один удачный неологизм - «исчезна». И он смотрится как ретрологизм - мнимый неологизм в значении: заново изобретенное и ранее употреблявшееся, но забытое слово. Обе находки свидетельствуют, как нам кажется, о неслучайности всей реконструкции гипотетического подлинника. Воскресить ретрологизмы нас заставила рифма. Ей же мы обязаны при реконструкции русскоязычного оригинала сонета «Предсуществованье».

ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ

J'ai longtemps habité sous de vastes portiques
Que les soleils marins teignaient de mille feux,
Et que leurs grands piliers, droits et majestueux,
Rendaient pareils, le soir, aux grottes basaltiques.

Les houles, en roulant les images des cieux,
Mêlaient d'une façon solennelle et mystique
Les tout-puissants accords de leur riche musique
Aux couleurs du couchant reflété par mes yeux.

C'est là que j'ai vécu dans les voluptés calmes,
Au milieu de l'azur, des vagues, des splendeurs
Et des esclaves nus, tout imprégnés d'odeurs,

Qui me rafraîchissaient le front avec des palmes,
Et dont l'unique soin était d'approfondir
Le secret douloureux qui me faisait languir.

(подстрочник)

Я долго жил под просторными портиками,
Которые солнечные блики осыпали тысячами огней,
И чьи большие колонны, прямые и величественные,

² Все стихотворные переводы в статье выполнены В.В. Алексеевым

³ В отличие от стихотворного перевода извод - это восстановленный гипотетический подлинник

В сумерках обменивались подобиями с базальтовыми гротами.
 Волны, катя изображения небес,
 Перемешивали таинственным и торжественным образом
 Всевозможные аккорды их богатой музыки
 С цветами заката, отраженными в моих зрачках (моими зрачками).
 Это там я прожил в спокойных наслаждениях,
 Среди лазури, дымки и сияния,
 И голые рабы, умашенные благовониями,
 Мне освежали лоб, качая опахала,
 И чьей единственной заботой было углублять
 Мучительный секрет, причинявший мне страдания.

ПРЕДШЕСТВУЮЩАЯ ЖИЗНЬ

(перевод)

Я долго жил в дворцах, исполненных дремоты,
 Где бликов золотых слепящие рои
 Меж мощных колоннад сверкали в забытьи
 И в сумерках цвели базальтовые гроты.
 И волны, преломив хрустальные струи,
 Торжественно влекли падения и взлеты,
 Сплавляя в зыбкой мгле таинственные ноты
 С закатом, чьи огни зажгли зрачки мои.
 О да, я долго жил роскошно и устало
 Среди спокойных грез и медленных услад,
 И голые рабы, ища мой скорбный взгляд,
 Мне освежали лоб, качая опахала,
 Стараясь с каждым днем все глубже проникать
 В мучительный секрет, мне данный, чтоб страдать.
 ПРЕДСУЩЕСТВОВАНИЕ (извод)
 Под просторными портиками долго жил я в те дни,
 Чьи колонны усыпаны были несметными бликами солнца,
 Их дорический ордер - узнали страну Македонца? -
 Вечерами базальтовым гротам был чем-то сродни.
 Волны к берегу образы неба влекут искони,
 Со дней первых творенья, от самого их исконоца,
 Смешивая с цветами заката хрустального гул перезвонца,
 А зрачки отражали мои зари поздней огни.
 В негах долгих и чувственных, томных до изнеможенья
 Изнывал я тогда, обессиливший от наслажденья,
 Слепленный сияньем лазури, среди обнаженных рабов
 И рабынь умашенных, которые мне освежали
 Опахалами лоб - выдающийся самый из лбов! -
 И разгадку мучительно тайны моей каждый миг приближали.

В изводе появляется отсутствующий во французском тексте образ «страна Македонца». Чем мы его обосновываем? - Возможностью написать сонет, в котором рифмуется слово «солнце». Если привлечь реконструкт «страна Македонца», то в его контексте объяснение получает и загадочная концовка сонета. Неслучайно привлечение внутреннего зрения читателя ко лбу лирического героя. Александр Македонский, притча о котором есть в Коране (Коран. 18: 82-102), именуется по-арабски Зуль-Карнайном - «Двурогим». Речь здесь может идти о специфическом строении черепа царя Александра

Македонского - лобные доли сходились на его челе клином в виде двух теней. Не отсюда ли арабское прозвище Македонца?

Метод извода подлинника из стихотворного перевода достаточно прост: русский оригинал реконструируется по зачину, хотя это удается не всегда. Например, зачин «Соответствий» в изводе совершенно иной, чем во французском тексте. Зачин был найден благодаря случайности, отчет о которой невозможен - не все в творческом процессе доступно описанию изнутри. Просто автор искал, и нашел, проснувшись однажды утром с готовым решением, но как оно было найдено, не может сказать.

Оригинал не всегда реконструируется по зачину. Находка может оказаться просто случайной, хотя, как в этом убеждает практика, за каждой такой случайностью кроются долгие и напряженные сознательные и бессознательные поиски научной истины. За одной такой случайностью переводчику удалось-таки подглядеть. Всякий версификатор (так уж устроен его ум) часто играет сам с собой в игру «подбери к слову рифму» и чем рифма труднее, тем интереснее играть. На этот раз ум стихотворца задумался над рифмой к слову «пошло». Размышляя над категориями «красота», «прекрасное», автор пришел к интересной мысли, что эстетическим противоположением этой паре понятий является не категория «безобразное» (безобразное свойственно и возвышенному), но именно «пошлое». А с чем рифмуется «пошло»? Дошло-вошло-скоморошло-пискомошло - на рифмовку катренов хватает! Перебор рифмических соответствий, если он сплошной, рано или поздно приводит к отысканию всех рифмующихся пар, существующих в языке, поэтому сочетание «кашпо шло» рано или поздно должно было попасть в этот перечень рифм. Причем данное сочетание логично достраивается до восклицания «как горшку кашпо шло!» (фр: *сacherot* - подставка под цветочный горшок).

Каждая рифма в сонете - это отдельная смысловая тема. Задача версификатора в данном случае сводилась к обнаружению такого контекста, в котором темы «дошлости», «вшивости», «комариного писка», «скоморошливости» и тема «горшок в кашпо» поддерживали друг друга, не образуя смыслового абсурда. На первый взгляд эта цель кажется неосуществимой, и если бы переводчик ранее не читал рассказ Бодлера «Злосчастный стекольщик», у него не зародилась бы уверенность, что эти темы действительно можно зарифмовать в сонете.

ЗЛОСЧАСТНЫЙ СТЕКОЛЬЩИК

Есть люди чисто созерцательные и совершенно неприспособленные к активности, которые тем не менее под эффектом мистического и незнакомого импульса действуют иногда с быстротой, на которую, как они сами считают, не способны.

Один, боясь узнать у консьержа печальную новость, трусливо бродит целый час перед его дверью, опасаясь войти. Другой не решается вскрыть письмо или только в конце шестого месяца отваживается сделать необходимые шаги. Но вдруг они чувствуют непреодолимую силу, огромное стремление к цели, как стрела, выпущенная из лука. Нравоучитель и врач, знающие все, не могут объяснить, откуда приходит так внезапно эта бешеная энергия в столь ленивые сладострастные души, и каким образом неспособные сделать самые простые и необходимые вещи они находят в определенный момент мужество, чтобы совершить абсурдные и даже самые опасные замыслы.

Один мой друг, безобиднейший из мечтателей, поджог однажды лес, чтобы увидеть, охватит ли его пламя с такою легкостью, как вообще у все утверждают. Десять раз эксперимент не удавался, зато на одиннадцатый все получилось, и даже слишком.

Другой, прикуривал сигару рядом с пороховой бочкой, чтобы *узреть*, постичь, пощекотать судьбу, чтобы заставить себя стать доказательством энергии, стать игроком, чтобы познать удовольствия тревоги, просто так, ради каприза, от безделья.

Такой вид энергии вырывается наружу от скуки, от мечтательности и те, в ком она проявляется столь очевидно, являются в основном, как я уже сказал, самыми мягкими и самыми мечтательными из всех существ.

Еще один, робкий настолько, что тупит взор даже от взглядов мужчин, настолько, что ему нужно собрать всю свою скудную волю, чтобы войти в кафе или даже пройти перед администраторской театра, где контролеры ему кажутся наделенными величием Миноса, Эака и Рхада, вдруг бросается на шею проходящему мимо старику и расцеловывает его перед изумленной толпой. Почему? Потому что... да не потому ли, что эта физиономия была ему неотразимо симпатична? Может быть, но мы вправе предположить, что он и сам не знает почему.

Я не раз был жертвой этих кризисов и этих порывов, которые позволяют нам думать, что лукавые демоны проникают в нас и заставляют совершать без нашего ведома самые несуразные действия.

Как-то утром я встал мрачный, грустный, усталый от безделья и вдруг мне показалось, что нечто толкает меня к великому поступку, к блестящей акции. Я открыл окно... Увы!

(Заметьте, прошу вас, что дух мистификации, который у некоторых людей, не будучи результатом труда или какой-либо комбинации, но скорее мимолетным вдохновеньем, активно работает будь это через пыл страсти, особого настроения, истерии по мнению врачей, наконец, сатанического - по мнению тех, кто мыслит немного лучше, чем врачи и который нас безудержно толкает к множеству опасных и необузданных действий).

Первый человек, которого я увидел на улице, был стекольщик, пронзительный и неприятный крик которого донесся до меня сквозь тяжелую и грязную толщу парижской атмосферы. Невозможно впрочем объяснить, почему я был охвачен к этому бедному человеку внезапной и деспотической ненавистью.

Эй, эй! - прокричал я ему, приглашая подняться. Уже мысленно я представлял, не без некоторой злой радости, что моя комната на

седьмом этаже плюс очень узкая лестница должны представлять для него огромные трудности при восхождении, и что ему придется цеплять многие места углами своего хрупкого товара.

Наконец, он поднялся. Я осмотрел с любопытством все стекла и заявил: «Как? У вас нет цветных стекол? Стекол розовых, красных, голубых, волшебных, райских? Вы непредусмотрительны. Вы позволяете себе прогуливаться по бедным кварталам и у вас даже нет стекол, позволяющих видеть жизнь в прекрасном свете!» Я резко выставил его на лестницу и спустил с нее. По пути он споткнулся, что-то проскулив.

Я подошел к балкону, схватив горшок с цветком, и, когда стекольщик появился на выходе, я ловко и строго перпендикулярно выпустил свой снаряд. Он угодил в ящик со стеклами. Опрокинутый ударом, стекольщик добил под своей спиной всю свою переносную торговлю при оглушительном звоне, как от хрустального дворца, сокрушенного молнией. И, опьянев от безумия, я ему яростно прокричал вдогонку: «Красоту - в жизнь! Красоту - в жизнь!»

Эти нервные шутки не безопасны и за них можно дорого заплатить. Но какое значение имеет вечность адских мук для того, кто в одном мгновенье обрел бесконечный восторг!

Мы вплотную подошли к знаменитому «иммориализму» Бодлера, Поступок, описанный в рассказе, действительно был бы достоин осуждения, если бы не одно маленькое «но» - Стекольщик - это эвфемизм слова «педераст». Откуда нам это известно? Из реконструированного по рифме «пошло» сонету, пересказом которого является поэма в прозе Бодлера!

ЗЛОСЧАСТНЫЙ СТЕКОЛЬЩИК

Поступки человеческие Бог

Оценивает так: если не пошло

Ты вел себя, быв прост как голубок

И мудр как змей, то... Как горшку кашпо шло!
 Горшок же как снаряд был в ров глубокий
 С мансарды выпущен в стекольщика, и в ношло
 Заплечное попал, а то в лобок
 Любил смотреть стекольщик пискомошло.
 С лестницы спущен оттого любок,
 Что стекла не имел, быв спрошен долшло,
 Цветные, а прозрачных вид убог...
 Дворец стеклянный рухнул! А то вошло
 После стекольщика в лобке, где и грибок...
 Эх, наблажил, Бодлер, ты скоморошло!

Совершенно ясно, что Бодлер не совершал того дикого поступка, в котором ложно сознается. Он написал сонет по-русски, а затем пересказал в блестящем рассказе по-французски. Шутку можно было бы назвать литературным хулиганством, если бы в нем не скрывалась змеиная мудрость. Авторская позиция здесь восстанавливается так: во-первых, я этого поступка не совершал, а во-вторых, далее если бы совершил, то и тогда как христианин я был бы безупречен. Действительно, Пятикнижие содержит моральную норму, согласно которой гомосексуализм карается смертной казнью: «Если кто ляжет с мужчиной, как с женщиной, то оба они сделали мерзость; да будут преданы смерти, кровь их на них (Левит: 20,13). Эту норму не только не отменяет, но и особо конкретизирует Иисус Христос: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили во глубине морской (Матфей: 18,6). Велика ли разница - мельничный жернов или цветочный горшок?»

«Был ли он гомосексуалистом?» - Риторически вопрошает в своем труде о Бодлере один современный французский философ, и патетически отвечает: «Не знаю». Бодлера очень охотно записывают в свои фаланги легализаторы Содомы, однако факты свидетельствуют, что он был воинствующим антигомосексуалистом. За что и поплатился: на родине при жизни поэту объявили бойкот. Большую часть своей жизни он прожил в трагической нищете.

Наша апология творчества французского поэта была бы неполной без обращения к теме «Бодлер и женщины».

ПРОХОЖЕЙ'
 (подстрочник)

La rue assourdissante autour de moi hurlait.
 Longue, mince, en grand deuil, douleur majestueuse,
 Une femme passa, d'une main fastueuse
 Soulevant, balançant le feston et l'ourlet;

Agile et noble, avec sa jambe de statue.
 Moi, je buvais, crispé comme un extravagant,
 Dans son œil, ciel livide où germe l'ouragan,
 La douceur qui fascine et le plaisir qui tue.

Un éclair... puis la nuit! — Fugitive beauté
 Dont le regard m'a fait soudainement renaître,
 Ne te verrai-je plus que dans l'éternité?

Ailleurs, bien loin d'ici! trop tard! jamais peut-être!
 Car j'ignore où tu fuis, tu ne sais où je vais,
 O toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!

Вокруг меня гремела и орала оглушительная улица.
 Высокая, тонкая, вся в трауре, с величественным страданием на лице
 Прошла женщина, пышно украшенной рукой
 Поддерживая балансирующий край фестона.
 Скорая, но благородная походка, нога статуи.
 Я, застыв на месте, как ротозей,
 Пил в ее взоре - зыбкое небо, где зреет ураган! -
 Нежность, которая зачаровывает, и наслаждение, которое убивает.
 Молния... и ночь. Мелькнувшая красота,
 Чей взгляд вдруг заставил меня воспрянуть духом,
 Увижу ли я тебя в вечности?
 Возможно, очень далеко! Слишком поздно! Никогда, быть может!
 Не знал я, куда ты шла, а ты, куда я направлялся,
 Но я тебя любил, о ты, которая это поняла!

НЕЗНАКОМКА
 (извод)

Бульвар вокруг меня гремел, пошел и поган.
 Высокая и тонкая, под черной
 Вуалью женщина прошла, рука в узорной
 Перчатке, держа край фестона, балаган
 Вокруг себя не видя толпы вздорной.

Остановившись, я, как старый интриган,
 Глаз небо зыбкое, где зреет ураган,
 Иль наслажденье? - пил с влюбленностью покорной.
 Блеск молнии и... ночь. Сверкнувшей красоты
 Миг зародил во мне тоску по счастью, в жизни
 Так редкому, увы. Мне встретишься ли ты Опять?
 Пускай не здесь, а там, в святой отчизне...

Пусть я не знал, кто ты, зачем и куда шла, Но я тебя любил - ты это поняла!

Автор перевода много раз пытался воссоздать этот текст, что после версии В.В.Левика казалось невозможным, пока не сменилась переводческая установка. Как только мы начали искать зачин гипотетического подлинника, он тут же нашелся, при этом нам, в отличие от предшественника, удалось сохранить самый сильный в сонете образ - *глаза, где зреет ураган*, передав, максимально полно, или, точнее, воссоздав его в первоначальном виде. Столь удачное попадание нам представляется неслучайным - можно говорить о закономерности: очень многие стихи Бодлера воссоздаются по-русски, если правильно найден зачин.

Переводчику был задан вопрос: почему он считает, что создал не еще одну переводную версию, а именно обнаружил русский оригинал? В некоторых случаях это совершенно очевидно благодаря более высокому уровню формальной организации русской версии по сравнению с французской. Представим себе один и тот же фильм в цветном и черно-белом варианте. Так вот, феномен сквозной рифмовки, наблюдаемый в нескольких обнаруженных оригиналах Бодлера, сопоставим по своему эффекту с цветным видеорядом, тогда как французский псевдооригинал предусматривает отдельную рифмовку для каждого четверостишия. Рифмическая монотонность таких текстов обладает суггестивной магией хорошо размеренного музыкального ритма. В рифмически монотонных стихотворениях прослеживается явление, аналогичное музыкальному ожиданию - семантическое ожидание, обусловленное опережающим восприятием смысла через точную рифму. Проиллюстрируем этот феномен на стихотворении Бодлера «Любовь к обманчивому», которое, благодаря диктату точной рифмы, в русском воплощении логично переименовать как «Страсть к мистификации».

ЛЮБОВЬ К ОБМАНЧИВОМУ (подстрочник)

QUAND je te vois passer, ô ma chère indolente,
 Au chant des instruments qui se brise au plafond
 Suspendant ton allure harmonieuse et lente,
 Et promenant l'ennui de ton regard profond;

Quand je contemple, aux feux du gaz qui le colore
 Ton front pâle, embelli par un morbide attrait,
 Où les torches du soir allument une aurore,
 Et tes yeux attirants comme ceux d'un portrait,

Je me dis : Qu'elle est belle! et bizarrement fraîche!
 Le souvenir massif, royale et lourde tour,
 La couronne, et son cœur, meurtri comme une pêche,
 Est mûr, comme son corps, pour le savant amour.

Es-tu le fruit d'automne aux saveurs souveraines?
 Es-tu vase funèbre attendant quelques pleurs,
 Parfum qui fait rêver aux oasis lointaines,
 Oreiller caressant, ou corbeille de fleurs?

Когда я вижу как ты идешь, о моя беспечная,
 Под звуки музыки, разбивающейся о потолок,
 Ступая гармоничной и медленной походкой,
 Со скукою в рассеянном взгляде.
 Когда я смотрю на тебя в огнях газовых рожков, которые бросают
 отсвет
 На твой бледный лоб, украшенный болезненным очарованием,
 Где ночные факелы зажигают зарю,
 А взор притягивает, как взгляд портрета,
 Я говорю себе: «Как она прекрасна и странно свежа!
 Воспоминание, подобное массивной, царственной башне,
 Венчает ее, и ее сердце, уже тронутое тленом, как персик,
 И ее зрелое для взыскательного любовника тело.
 Кто ты, корзина осенних плодов,
 Траурная ваза, ждущая слез,
 Запах, заставляющий мечтать о далеких оазисах,
 Ласковая подушка, букет цветов?
 Я знаю, есть печальнейшие из очей,
 В которых нет никаких драгоценных тайн,
 Ларцы без сувенира, медальоны без реликвий,

Еще более пустые и глубокие, чем само небо!
 Но не достаточно ли того, чтобы ты была призраком,
 Радующим сердце, убегающее от истины,
 И что мне твоя глупость или твое безразличие?
 Маска и декорация! Я обожаю твою красоту!

Подстрочник дает хорошее представление о «видеоряде» поэмы. Ее тоже можно было бы признать достаточно рискованной с точки зрения морали, которую принято называть «пуританской»: поэт покупает любовь у проститутки, да еще и бравирует этим. Однако в русском варианте, опять-таки, благодаря диктату точной рифмы, картина совершенно иная:

СТРАСТЬ К МИСТИФИКАЦИИ (извод)

Когда выходишь ты с ленивостью беспечной
 Под звуки музыки, что бьются в потолок,
 То бедра твои с их гармонией навстречной
 Не в силах описать поэта бедный слог.
 И когда я смотрю с жертвенностью обречной
 На этот низкий лоб, который так полог,
 Он пышной люстрой озаряем яркосвечной! -
 То взор твой развращен, как к прелести прилог.
 Молось: как хороша и странно свежа в вечной
 Юдольной суете та, память о ком клок
 С овцы паршивой и в чьей грешно-человечной
 Душе уже взимал червь с персика налог.
 Кто ты - корзина смокв с мякотью безупречной,
 Надтреснутый сосуд, надкусанный яблок?
 Молох, что жертвою не сыт новоиспечной?
 Шлет стрелы твоих глаз искуснейший стрелок!
 Я знаю, есть глаза с тоскою неизречной,
 В них нет никаких тайн, пустые как бредок,
 Готовые на все ради столь краткотечной
 Забвения волны... Закат зрачков... Белок....
 Не хватит ли того, что ты - виденье млечной
 Разрыв-травы, но я не сброшенный молоко,
 А Шарль Бодлер, поэт с душой неискаленной.
 Прости меня, Париж, за честный эпилог.

Можно с уверенностью можем сказать, что в поэме заучаствовано все рифмическое гнездо на -лок, за исключением, разве что, имени «Александр Блок», но великий автор «Незнакомки» тогда еще не родился, поэтому данную рифму можно не учитывать. Как и в рассказе «Злосчастный стекольщик», русскоязычная подоплека поэмы таит в себе ту самую змеиную мудрость, которая, собственно, и оправдывает литературный розыгрыш. Обратим внимание на выражение «дух мистификации», содержащееся в «Злосчастном стекольщике». Оно очень подходит для определения его творчества.

Можно подытожить: Бодлер сознательно усвоил себе образ поведения, характерный для византийского юродства. Данный культурно-исторический и религиозный феномен хорошо описан. Ему посвящена монография С.А. Иванова [3]. Что такое византийское юродство определяет Ю.М. Лотман, давая характеристику юродствующему царю Ивану Грозному: Юродство позволяло совмещать несовместимое, вести грешный и богомерзкий образ жизни, который одновременно переживался как метафора святости, непонятная «простецам» но ясная для благочестивых. Безобразное поведение юродивого - результат его смирения, и тот, кто хочет понять загадку юродства, должен смириться еще ниже, чем смирился юродствующий... Юродивый может валяться в кале и прозревать в нем высшую чистоту духа. Поведение его замкнуто и контрастно, он всегда задает миру загадки и это отчетливо просматривается в поведении Грозного» [4. 23-30].

В отличие от русского царя, о котором еще можно сказать, что он был «юродствующим», Шарль Бодлер, как это лишь теперь выясняется, был типичным, классическим по всем меркам юродивым «Христа ради». И если загадка юродствования Грозного труднодостижима, то тайна Бодлера, как мы полагаем, раскрыта.

Перед смертью поэт, уже парализованный, нашел в себе последние силы, чтобы оттолкнуть пришедшего к нему священника. «Мне не в чем каяться» - означал этот жест.

Источники и литература

1. Baudelaire. Les Fleurs du Mai. Le livre de poche. – Paris. – 255 p.
2. Baudelaire. Le Spleen de Paris. Le livre de poche. – Paris, 1964. – P. 28-32.
3. Иванов С.А. Византийское юродство. – М.: Международные отношения, 1994. – 265 с.
4. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – С. 230–234.
5. Эфендиев А.Ш., Алексеев В.В. Русско-французский и франко-русский билингвизм в мировой классике XIX века // Культура народов Причерноморья. – Симферополь. – №47. – 2004. – С.81–86.